

**АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

Межвузовский сборник научных трудов

Н. НОВГОРОД 1991

Министерство образования РСФСР

Нижегородский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт им. М. Горького

АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Межвузовский сборник научных трудов

Н. НОВГОРОД 1991

сов, сообщившие об их обходном движении (см. Геродот. История / Пер. Т. А. Стратановского. — Л., 1972. — VII. 219).

⁶ Мандес М. (Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. — Одесса, 1901. — С. 21), интерпретируя этот сюжет Диодора, полагал, что фраза Леонида была бы вполне уместна в рамках рассказа Геродота, согласно которому эллины вступили в битву с персами утром. В контексте же Диодора она, по его мнению, теряет всякий смысл, так как произнесена вечером, а греки завтракали, конечно, утром. Это замечание едва ли верно. У Диодора эта фраза достаточно мотивирована и сказана со смыслом. Леонид приказывает воинам позавтракать не вечером, но уже глубокой ночью (ср. XI. 9.1 и 3), и смысл этого приказа только один: нужно позавтракать сейчас, поскольку утром этого сделать не удастся, а обедать, дескать, будем уже в Аиде.

⁷ Происхождение этого энкомия является предметом дискуссии. Эд. Шварц (Schwartz Ed. Diodoros // RE. — 1903. — Bd. V. — Sp. 681), Г. Барбер (Barber G. L. The Historian Ephorus. — Cambridge, 1935. — P. 183) Тигерштедт (Tigerstedt. Op. cit. — P. 217) считают автором энкомия Эфора. Другие же исследователи (Мандес. Ук. соч. — С. 23; Pavan M. La theoresi storica di Diodoro Siculo // RAL. — 1961. — Bd. XVI. — Ser. VIII — Fase 1—2. — P. 24 ff.; Drews R. Diodorus and Sources // AJPH. — 1962. — Vd. 83/4. — P. 383 ff.) считают этот энкомий результатом самостоятельного творчества Диодора. В пользу этого говорят и следы влияния стоицизма в этом энкомий, обнаруженные еще в свое время Г. Бузольтом (Busolt G. Diodors Verhältnis zum Stoicismus // Jhrb. f. Phil. — 1889. Bd. 129. — S. 300 ff.).

⁸ К этому см. прим. № 2.

⁹ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. II, 2. — Strassburg, 1910. — S. 91—105; к этому также: Evans. Op. cit. — P. 231 ff.

¹⁰ Bury J. B. The Campaign of Artemisium and Thermopylae // ABSA. — 1895/6. — Vol. II. — P. 98 ff.; idem. A. History of Greece. — Ed. 2. — London, 1956. — P. 275 ff.; Grant. Op. cit. — P. 15 ff.; How W., Wells J. A Commentary on Herodotus. — Oxford, 1912. — Vol. II. — P. 376 ff.

¹¹ Hignett. Op. cit. — App. IV. — P. 378.

¹² Ктесий (Pers. 25) приводит цифру 1000 персиков и 300 спартиатов, отмечая, что они участвовали в Платейской битве. Однако сообщение Ктесия не заслуживает большого доверия, так как он часто сознательно искажал сведения Диодора и вносил немало путаницы в описание событий.

¹³ Мандес. Указ. соч. — С. 13.

¹⁴ Grundy G. B. The Great Persian war and Its Preliminaries. — London, 1901. — P. 307.

¹⁵ Crahey R. La litterature oraculaires ches Herodote. — Paris, 1956. — P. 311; Parke H. W., Wolmell D. E. The Delphic oracle. — Vol. I. — P. 167 ff.; Vol. II. — N 100; Zeilhofer G. Sparta, Delphi und die Amphiktyonen im V. Jahreshundert. V. Chr. — Nürnberg, 1959. — S. 20 ff.

УДК 938

В. В. Ставнюк (Полтавский пединститут)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АФИНАХ В НАЧАЛЕ V В- ДО Н. Э.

В последние годы исследователи все чаще обращаются к различным событиям в истории Афин послеклисфеновского периода. Между тем кажется очевидным, что изучение конкретных вопросов политической истории немислимо без учета осо-

бенностей внутривполитического развития Афин в целом. Если же принять во внимание недавнюю реформаторскую деятельность Клисфена, изгнание Гиппия, оживление общественно-политической жизни вообще — с одной стороны, а с другой — возрастание роли внешнеполитических факторов, то очевидно, что данный анализ следует проводить в связи с внутренней и внешней политикой Афин этого периода. Тема политической борьбы в Афинах начала V в. до н. э. была в центре внимания таких историков, как Уолкер, Гомм, Мак-Грегор, совсем недавно — Ленардон и др.¹. При этом мы должны исходить из диалектической взаимосвязи между внутривполитической борьбой и внешней политикой²: меняющаяся внешнеполитическая ситуация, безусловно, сказывалась на перипетиях политической борьбы в Афинах. Зависимость же внешнеполитической ориентации от расстановки сил в полисе не вызывает никаких сомнений.

Другой предварительный тезис заключается в том, что как внутривполитическая ситуация, так и внешнеполитические факторы — суть условия динамичные, и в такой динамике их и следует рассматривать.

Не имея возможности подробно останавливаться на характеристике внутривполитического развития Афин 500—490 гг. до н. э. и связанной с этим развитием политической борьбы, отметим все же несколько ключевых моментов.

Для нас несомненна «демократическая сущность» реформ Клисфена, который был «прямым продолжателем дела Солонна»: «... если Солон заложил общие основы полисного строя в Афинах, то Клисфен окончательно придал ему демократическую форму. При нем и в самом деле получили дальнейшее развитие правильные принципы государственной и демократической жизни»³. Однако, как далее отмечает Э. Д. Фролов, в основе демократической деятельности Клисфена «было честолюбивое соперничество с себе подобными из-за власти», в ходе которого были осознаны и реализованы объективно необходимые задачи⁴ развития демократического полиса.

Нам особенно близка идея, разрабатываемая в советской историографии В. М. Строгееким, о надуманности чрезмерного противопоставления Клисфена тирании⁵. Как отмечает Э. Д. Фролов⁶, Клисфен приводит свои реформы не только и, возможно, не столько в результате изгнания Писистратидов (хотя, конечно, само по себе это изгнание явилось неременным условием таких преобразований), сколько в ходе борьбы со своими политическими соперниками и, в особенности, с Исагором. Не вдаваясь в подробную аргументацию этого тезиса⁷, отметим, что его принятие позволяет во многом объяснить спорные моменты в политической истории Афин 510—480 гг. до н. э.

Постольку, поскольку старшая тирания в Афинах выполнила свои функции сокрушения аристократии⁸ и так как она по своей сути являлась антидемократическим институтом⁹, то «перестала быть разумной» альтернативой политического развития Афин, а, следовательно, перестала «быть действительной». Тирания должна была уступить место качественно новому политическому явлению, каковым и явилась нарождающаяся демократия Клизфена. Вместе с тем, исчезнув как политический институт, режим личной власти не мог одновременно автоматически и вполне исчезнуть и как политическая идея. Заключаясь, в частности¹⁰, в гипертрофированной роли «аристократической сверхличности»¹¹ и одновременном подавлении политической активности аристократических родов, эта идея не только пережила само явление, но и, отделившись от него, приобрела устойчивые тенденции к самостоятельному развитию своих составляющих.

Конечно, с устранением тиранов $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$ в обществе не исчезла¹². Можно предположить, что с уничтожением тирании произошло, так сказать, уничтожение «монополии» на $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$. Это выразилось в усилении политической активности соперничающих аристократических родов, что весьма удачно подметил при характеристике периода уже Геродот: «Эти люди вели между собою распри из-за преобладания, пока побежденный Клизфен не привлек на свою сторону народ»¹³. Но борьба между соперничающими родами в Афинах конца VI — нач. V в. до н. э.: — это все же лишь одна из линий политической борьбы вообще. Отдавая должное личностным факторам, необходимо подчеркнуть, что основная линия политической борьбы проходила между демосом и аристократией¹⁴. Собственно говоря, общая линия эволюции афинского полиса как полиса демократического¹⁵ уже сама по себе предполагает существенную и даже определяющую роль демоса в политической борьбе¹⁶. Именно укрепляющийся суверенитет демоса и явился альтернативой намеченной нами второй составляющей идеи ранней тирании — подавлению аристократических устремлений.

Таким образом, рубеж VI—V вв. до н. э., — в особенности начало V века, — характеризовался усилением политической борьбы, в которой тесным образом сочетались¹⁷ противоречивые тенденции: с одной стороны, усиление знати¹⁷ как закономерная реакция на уничтожение тирании, ее подавлявшей. С другой же, — усиление демократических тенденций, получивших надежную основу прежде всего в административно-территориальной реформе Клизфена¹⁸. Совершенно понятно, что в таких условиях наиболее эффективными являлись те моменты, которые характеризовались совпадением обеих этих тенденций. Отсюда — столь примечательный феномен афинской демократии, каковым явилось аристократическое качество ее политических

вождей¹⁹. Однако это предполагает всего лишь использование афинской демократией аристократических вождей, но отнюдь не руководство ими последней²⁰. В связи с этим становится очевидной несостоятельность взгляда на политическую борьбу в начале V в. до н. э. лишь как на столкновение территориальных групп²¹, хотя, конечно, элемент состязательности между враждующими аристократическими родами, — усилившейся, как уже отмечалось, после низложения тирании, — явился существенным фактором политической борьбы в Афинах этого периода²².

Далее мы исходим из того, что помимо основной линии политической борьбы, которая проходила между аристократией и демосом, помимо борьбы между различными аристократическими кланами за преобладание, происходила борьба и за углубление процесса демократизации — т. е. в конечном итоге, за предоставление всему гражданскому коллективу всей полноты политических прав. Понятно, что (учитывая развивающуюся имущественную и социальную дифференциацию всего гражданского коллектива, — как демоса, так и аристократии) политическая борьба по необходимости должна была отражать интересы различных слоев и групп афинского гражданства во внутренней и внешней политике. Отметим также в качестве важной теоретической предпосылки необходимую связь между экономическими и конституционными аспектами борьбы²³: действительно, расширение политических прав и полномочий афинского демоса происходило параллельно с обеспечением и его экономических интересов.

И, наконец, мы исходим из того, что полис как явление внутренне противоречивое, развивающееся, — и развивающееся в том числе за счет его важнейших составляющих элементов, — уже в силу своей внутренней диалектической противоречивости содержит в себе предпосылку политической борьбы, которая выступает в том числе и как внешнее проявление этих внутренних противоречий. Мы имеем в виду характеристику полиса в наиболее законченном виде, на наш взгляд, проводимую Э. Д. Фроловым: «Полис — это элементарное единство города и сельской округи, достаточное для более или менее самодовлеющего существования. Это, далее, простейшая сословно-классовая организация общества, где собственники-граждане, будучи сплочены в искусственно сохраняемую, но выросшую на естественной племенной основе общину, противостоят массе бесправных и несвободных, жестоко эксплуатируемых людей, чье человеческое достоинство принесено в жертву необходимому общественному разделению труда, исторически обусловленному, но воспринимаемому в гражданской среде как естественное с тем большей легкостью, что рабское состояние — удел чужеземцев. Это, наконец, про-

стейшая, но вместе с тем весьма эффективная форма политической организации — республика с более или менее развитыми принципами народоправства и материальными гарантиями их реализации, а соответственно, и ярко выраженной самодеятельностью обладающей необходимыми средствами и досугом гражданской массы, с обусловленным всеми этими причинами высоким уровнем политической идеологии и культуры»²⁴.

В связи с этим нам кажется слишком резкой критика Фроловым тезиса Г. А. Кошеленко о проявлении противоположности «город-полис»²⁵, впрочем, возможно, излишне абсолютизированной. Тенденция к самостоятельному развитию составляющих элементов общественно-экономических структур является тенденцией закономерной. Вопрос только в том, насколько далеко может зайти такое развитие с тем, чтобы не выйти за пределы, допускаемые этой структурой. Очевидно, эти тенденции проявляют себя в социально-политическом и экономическом развитии полиса вообще и афинского полиса в частности. Видимо, их отражение можно будет обнаружить и в социально-политической борьбе начала V в. до н. э.

По нашему мнению, все выше обозначенные тенденции социально-политического развития имеют самое непосредственное отношение к анализу нашей проблематики, поскольку, в частности, они определяли и главные направления в социально-политической борьбе.

Важно учитывать их и при определении сложившейся после реформ Клисфена в Афинах партийно-политической ситуации, тем более, что — как справедливо отмечается в исторической литературе²⁶, — источники обрисовывают ее лишь схематически. Значит, правомерно говорить о существовании в Афинах определенных «политических группировок», которые являлись практическим выражением, проявлением этих тенденций в политической борьбе. Или скажем по-другому: политические группировки выступали в качестве форм существования противоречивых тенденций общественно-экономического и политического развития Афин. Нет необходимости здесь останавливаться на такой очевидной, истине, что античные политические группировки ни в коем случае не²⁷ следует путать с политическими партиями современного типа — ни с точки зрения содержания (хотя здесь нужно быть осторожным, и не доходить до полного отрицания — впрочем, это вопрос особый и нуждается в более специальном анализе, чем то небольшое, что мы можем себе позволить здесь), ни тем более с точки зрения формы: конечно, ни о какой организационной структуре, ни об аппарате, ни о других отличительных чертах политических партий как социально-политического организма не может быть и речи.

Из сущности афинских группировок начала V в. до н. э. вытекает и их аморфность, текучесть, а, точнее сказать, динамика и изменчивость; ведь изменчивыми, динамичными и развивающимися были сами условия, их породившие! Поскольку, как мы видели, политическая борьба является прежде всего внешним проявлением противоречивых тенденций общественно-экономического и политического развития, выражающемся в стремлении закрепить свое превосходство политически, т. е. узаконить самое себя поддержкой государства (а если государство в силу своей сути органически чуждо этим тенденциям, то изменить и само государство), постольку политические группировки в идеале представляют собою единство этих тенденций и людей как субъектов этих тенденций²⁸.

При таком понимании социально-политической борьбы и собственно политических группировок в Афинах конца VI — начала V вв. до н. э. становится возможным объяснить многие моменты послеклисфеновского периода на основании имеющихся, хотя и туманных свидетельств.

Непрекращающийся спор о приоритетах этой борьбы²⁹ об основных «линиях», группировках или же «партиях» может приобрести несколько иной оттенок. Так, на наш взгляд, правомерно рассматривать как исторические одновременно различные «партии», критерием для определения которых может служить отношение их субъектов к социальному статусу («аристократы» или «олигархи» и «демократы»), к тирании («друзья тиранов»), к проблемам внешней политики («персофилы» и антиперсидски настроенные круги; «проспартанская» и «антиспартанская» направленные; группа за военные приготовления, «ястребы» и против них — «голуби» и т. п.): критерии могут быть различными, но, конечно же, они должны определяться исключительно на основании анализа существовавших условий социально-политического и экономического развития Афин. Понятно, что по мере этого развития изменяется и связанный с ним весь комплекс различных условий, понятно также, что в связи с этим по необходимости меняется и вся картина политической борьбы. При этом, если подходить чисто формально к проблеме, возможны, и даже более того — естественны, смешения и переплетения различных тенденций в социально-политической борьбе, что в рассматриваемом здесь случае, в частности, значит: во всей картине партийно-политической ситуации в Афинах начала V в. до н. э. Очевидно, что в таком случае при выборе какого-либо единичного критерия, как, например, отношение к тирании или же к перспективе войны с Персией, без учета всего многообразия факторов верно оценить ситуацию нельзя³⁰. Кроме того, можно предположить (и это, видимо, будет верно), что одни и те же личности, т. е. субъекты политических группировок могут оказывать

ся, — даже одновременно, — сторонниками самых различных группировок. Так, например, Мильтиад одновременно был и вождем антиперсидской ориентации и представителем аристократической группировки и т. п.

Как видим, перечисление ориентаций и тенденций в социально-политической борьбе можно было бы и продолжить. В ходе исторического развития неизбежно перед полисом вставали все новые и новые вопросы, которые, конечно, предполагали и возможность различного ответа на них. Все это по необходимости порождало различные направления или же «линии», в основе которых лежала борьба за принятие решений, приемлемых для вполне конкретных лиц или же слоев гражданского населения. Значит ли это, что все эти ориентации и тенденции вместе с воплощающими их субъектами мы можем именовать «группировками»? — Очевидно, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В противном случае мы доведем количество этих «группировок» до бесконечности и тем самым окончательно запутаем вопрос. Однако нельзя согласиться и с мнением тех, кто вообще пытается снять эту проблему³¹. Видимо, разумным было бы выделить основные, определяющие всю картину политической борьбы в Афинах, политические тенденции. Эти тенденции должны выражать основные альтернативы политического развития, «держат» на себе все остальные, более частные, возникающие в условиях развивающейся ситуации явления, отражающие внутри- и внешнеполитические проблемы. Исходя из выше рассмотренных посылок, видимо, следует прийти к выводу, что такими тенденциями были, с одной стороны, дальнейшая демократизация полиса, с другой же стороны, как ее альтернатива или даже противоположность, — что, впрочем, не абсолютно, — аристократические устремления.³² Наряду с ними можно выделить олигархические тенденции³³, которые характеризуются широким разбросом параметров и могут отражать устремления весьма различных социальных групп: от представителей аристократии до только появляющихся богатых торгово-ремесленных слоев.

По мере развития социально-экономических отношений, субъективное выражение олигархических движений все в большей степени представляло собою именно эти, усиливающиеся новые слои³³. В этом случае особенно явственно проявляется глубинная экономическая основа происходящих политических процессов: новые социальные группы являются непосредственным продуктом социально-экономического развития полисного организма, выражающегося, в частности, в углубляющейся имущественной дифференциации общества, а в конечном итоге — и в социальной. Очевидно, осознание именно этого момента и легло в основу тезиса о том, что на смену

противоположности «аристократия — демос», характерной для VI в. до н. э. пришло противостояние «богатые — бедные» V в. до н. э.³⁴.

И, наконец, учитывая хронологическую, а вероятно, и генетическую близость рассматриваемого периода со временем правления Писистратидов, а также понимая тиранию, в частности³⁵, как результат последовательного развития олигархического принципа, мы, видимо, можем выделить наряду с уже перечисленными тенденциями социально-политического развития и тенденцию тираническую. Более того, нам кажется вероятным, что тиранические устремления никогда не исчезали вполне из картины политического развития античного полиса вообще и Афин в особенности. Проявлением этих устремлений явилось усиление роли отдельной личности, а также время от времени выдвигаемые обвинения в стремлении к тирании тех или иных политических лидеров. В конечном итоге эти тенденции были в полной мере реализованы в так называемой «младшей тирании», хотя и отличавшейся по своей сущности и природе от «старшей», но по форме являвшейся все тем же тираническим правлением одного лица.

Из всего выше сказанного следует, что основными политическими группировками в этот период можно считать группы, выступающие за реализацию демократических, аристократических, олигархических и тиранических тенденций в политическом развитии Афин, т. е. олицетворяющие эти тенденции. Кроме того, учитывая снижение роли аристократии в результате реформ Клисфена, а также всего периода правления Писистратидов — с одной стороны, а с другой — непрезентабельность тирании в глазах широких масс, можно прийти к выводу, что доминирующими на рассматриваемом этапе явились именно демократические и олигархические тенденции³⁶. Следует отметить, что их выразители неизбежно характеризовались значительным диапазоном взглядов, что позволяет говорить о наличии различных оттенков, которые проявлялись в различных подходах к решению возникающих перед полисом проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Lenardon R. The Archonship of Themistocles, 493/2// *Historia*. — 1956. — Bd. 5. — S. 401, со ссылкой на Мак-Геропа; Walker E. M. Political parties at Athens from the reform Cleisthenes to the year 491 B. C.// САН. — библиографию у Гомма: Gomme A. W. 65. — Р. 321; вообще набор исследований по проблемам социально-политического развития Афин в период от реформ Клисфена до Эфиальта кочует из работы в работу.

² Строгеецкий В. М. Некоторые особенности внутриполитической борьбы в Спарте в конце VI — начале V в. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ — 1982 — № 3 — С 39; Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз // ВДИ. — 1984. — № 3. — С. 49, с интересной ссылкой

кой Рушенбуша о том, что общее внутреннее развитие Афин было обусловлено исключительно внешнеполитическими причинами. Примечателен тезис Виноградова, который вообще предлагал для определения политической направленности в качестве критерия отношение к программе вооружений Афин.: Виноградов П. Г. История Греции. Лекции 1900/1 гг. — М., 1901. — С. 349, ср.: С. 353; ср. также: Бергер А. К. Рецензия на книгу Хигнета // ВДИ. — 1956. — № 1. — С. 79 с критикой Хигнета за недооценку этой взаимосвязи; Доватур А. И. Политика и политики Аристотеля. — М. — Л., 1965. — С. 46; Казаманова Л. Н. Рецензия на книгу Клоше // ВДИ. — 1953. — № 3. — С. 149; Лурье С. Я. История античной общественной жизни. Общественные группировки и умственное движение в эллинском мире. — М. — Л., 1929. — С. 146, хотя и слишком прямолинейно; Kluge E. Die soziale Zusammensetzung der athenischen Ekklesia und ihr Einfluss auf politische Entscheidungen // КНо. — 1976. — Bd. 58. — S. 302; Lehmann G. A. Der Ostrakismos-Entscheid in Athens: von Kleisthenes zur Ära des Themistokles // ZPE. — 1981. — Bd. 41 — S. 98; Lenardon. Op. cit. — S. 401; Wedel W. Von die politischen Prozesse im Athen des 5. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Entwicklung der attischen Demokratie zum Rechtsstaat // BIDR. — 1971. — Vol. 74. — P. 134—135; Tarkiainen T. Die athenische Demokratie, übers. Von Ohquist R.: Bibl. der Alten Welt, Reihe Forschungen und Deutung Zurich Artemis. — Verlag, 1966. — S. 117, хотя и со ссылкой на более поздние события. Вообще, как справедливо отмечает Клоше, такая взаимосвязь — и в особенности между внешней экспансией и демократизацией Афин — общее место в исследованиях.

³ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ / — Л., 1986. — С. 92—94, там же см. литературу по вопросу.

⁴ Там же. — С. 94.

⁵ Строецкий В. М. Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. — 1972. — № 2. — С. 99—106, со всеми примечаниями, комментариями и библиографией по теме. Это особенно важно для понимания тиранофильских тенденций в Афинах.

⁶ Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1983. — С. 10—11; он же: Рождение... — С. 92—95.

⁷ В советской историографии вопрос тщательно рассмотрен в приведенной выше статье В. М. Строецкого.

⁸ Фролов. Рождение... — С. 91, 92.

⁹ Там же. — С. 91.

¹⁰ Мы не можем подробно анализировать здесь сущность тирании, определять ее место в становлении афинского полиса и т. д. Подробно и оригинально об этом сказано в советской историографии в работах Фролова Э. Д. и Строецкого В. М. Здесь же мы обращаем внимание на те моменты, которые нам кажутся ключевыми для понимания нашей темы.

¹¹ Фролов. Полит. лидеры... — С. 10 сл.

¹² Фролов. Рождение... — С. 89: «... в тирании реализовалось иррациональное стремление личности к власти, та самая глубинная человеческая снесь, в которой греки рано усмотрели главного антагониста разумному общественному порядку, благозаконию.

¹³ Hdt. V. 66. Ср.: Фролов. Рождение... — С. 94.

¹⁴ Строецкий. Неког особенности... — С. 48; ср. низведение роли демоса лишь к пассивной поддержке одного из аристократических вождей у Фроста: Frost F. J. Themistocles' Place in Athenian politics // CSCA. — 1968. — Vol. 1. — P. 121—122; ср. конструктивную точку зрения в кн.: Фролов. Полит. лидеры... — С. 11.

¹⁵ Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1. — С. 21.

¹⁶ Фролов. Полит. лидеры... — С. 8; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э. — М., 1964. — С. 156.

¹⁷ После Клисфена афинская аристократия «... продолжала еще в течение нескольких десятилетий играть важную роль в политической жизни страны» (Зельин. Борьба полит. групп. ... — С. 115); ср. к этому предостережение от излишней идеализации афинской аристократии, в особенности рода Алкмеонидов и Филаидов, с чем мы вполне согласны — см.: Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917—1975 гг.) // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 4. — Саратов, 1979. — С. 174; ср. также Андреев В. Н. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии // ВДИ. — 1960. — № 4. — С. 146; Лурье С. Я. История Греции. — Ч. I. — Л., 1940. — С. 193; Kluge. Op. cit. — S. 300.; ср., однако: Frost. Op. cit. — P. 121 с очевидным преувеличением роли аристократии и преуменьшением роли реорганизованных и вновь созданных Клисфеном демократических органов, как, впрочем, и реформ Клисфена в целом. Ср. к этому критику Фроста в статье: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Новый журнал по истории античного мира // ВДИ. — 1978. — № 4. — С. 125—132, в особенности — С. 132.

¹⁸ См. в особенности: Фролов. Рождение... — С. 93; Залюбовина Г. Т. Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и союза. — М., 1984. — С. 20.

¹⁹ Фролов. Полит. лидеры... — С. 7—8; ср.: Зельин. Борьба полит. групп. — С. 156: «...Алкмеониды и члены других знатных родов теперь выступают не в защиту интересов своего рода, его сторонников и зависимых людей, но как вожди демоса или знати, причем эта противоположность уже в V в. все более стала принимать характер противоположности между бедными и богатыми» (Залюбовина. Указ. соч. — С. 19).

²⁰ Ср. критику Фроста в указанной статье Маринович и Кошеленко; ср. также: Kluge. Op. cit. — S. 300.

²¹ Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. — М., 1966. — С. 195, прим. 48: «Можно предположить, что предшествовавшие моменты обостренной политической борьбы в VI в. до н. э., при Клисфене, даже при Фемистокле осознавались гражданской массой как столкновение аристократических группировок, скорее связанных с местными традиционными отношениями, чем с политическим стремлением широкого характера». Впрочем, здесь не вполне ясно, т. к. эта заметка Бергера вынесена в примечания. Ср. все же оценку его взглядов Павловской А. И. и Утченко С. Л.: там же. От редакции. — С. 6.

²² Ср. к этому крайнюю точку зрения Грузна; Gruen E. S. Stesimbrotos on Miltiades and Themistocles // CSCA. — 1970. — Vol. 3. — P. 92 f. Ср.: Burn A. R. Persia and the Greeks: the defense of the West, 546—478 B. C.: New York, 1968. — P. 260—265; Ehrenberg V. Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike. — Brunn, 1935. — S. 115; Frost. Op. cit. — P. 105 ff.; Gomme A. W. More essays in greek history and literature / Ed. By D. A. Campbell, — Oxford. 1962. — P. 19—28.

²³ Ср.: Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Указ. соч. — С. 125 и сл.

²⁴ Фролов. Рождение... — С. 24—25, с характеристикой и историографией полиса. На наш взгляд, впрочем, одним из важнейших структурообразующих элементов полиса является «гражданская община, существующая в условиях классового общества». Именно она является тем важнейшим содержанием, которое проявляется в конкретных формах города-государства, единства города и сельской территории, политической организации и т. д.

²⁵ Фролов. Рождение... — С. 21.

²⁶ Kahrstedt U. Themistocles // RE. — 1934. — Bd. 5. — Ser. A. — St. 1687; Frost. Op. cit. — P. 105 ff.; Gruen. Op. cit. — P. 91—92; etc.

²⁷ См.: Зельин. Указ. соч. — С. 10—11; ср. в советской историографии к этому: Фролов. Полит. лидеры... — С. 21 и др.

²⁸ Причем — субъектов, осуществляющих эти тенденции в полисных органах, в особенности в Буле, значение которого усилилось в результате

реформ Клисфена и в других политических институтах Афин. Ср. к этому: Виппер Р. Ю. Лекции по истории Греции. — Изд. 3-е. — М., 1909. — С. 139—140: «В то время, как партии находили возможность группироваться в народном собрании, в Афинах не было учреждения, в котором, как в римском Сенате, представители высших классов могли бы соединиться, составить противовес народной массе и взять в свои руки направление политики. Некоторую возможность выступить в этой роли имел старый Совет на Ареопаге...» К этому заметим, что роль и значение Булэ, как и других политических институтов после Клисфена, нуждаются в дальнейшем изучении. Особое значение в связи с затронутой темой имеет также социальный состав этих институтов и, в особенности, — состав еkkлeсии. Очевидно, наиболее успешным бывало выступление тех лиц, которые выступали за реализацию тенденций, созвучных большинству, составляющему конкретную еkkлeсию. О составе еkkлeсии см.: Kluwe. op. cit.; Idem. Nochmals zum Problem: Die soziale Zusammensetzung der athenischen Ekklesia und ihr Einfluss auf politische Entscheidungen // Klio. — 1977.. — Bd. 59. — S. 45—81.

²⁹ Из русских и советских исследований, кроме учебников и учебных пособий, следует особенно указать на работы К. К. Зельина. Э. Д. Фролова, В. М. Строецкого, а также С. Г. Карпюка (Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. — 1986. — № 1. — С. 17—35). Из огромного количества иностранной литературы назовем лишь некоторые: Burn. Op. cit. — P. 223—226, 258—267, 279—296; Berve H. Miltiades Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit // Hermes Einzelschriften. — 1937. — Bd. 2. — S. 66—75; Ehrenberg. Op. cit. — S. 106—126; Gomme. Athen, not. — P. 321—331; Idem. More essays.... — P. 19—28; Hignett G. A. History of the athenian constitution to the End of the fifth centuries. B. C. — Oxford, 1952. — P. 173—192; Karavites P. Realities and appearances, 490—480 B. C. // Historia. — 1977. — Bd. 26. — S. 129—147; McGregor M. F. The Pro-Persian party at Athens from 510 to 480 B. C. // Athenian Studies. — HSCP. — 1940. — Suppl. 1. — P. 71—95; Meyer E. Geschichte des Altertums. — Stuttgart-Gotha, 1939. — Bd. IV. — S. 291—299; Papastavru J. Die Poliische Situation in Athen am Vorabend der Perserkriege und die auswärtige Politik Athens // Gymnasium. — 1963. — Bd. 70. — S. 11—18; Robinson C. A. The Struggle for power at Athens in the early Fifth century // AJPh. — 1939. — Vol. 60. — 232—237; Sealy R. Regionalism in archaic Athens // Historia. — 1960. — Bd. 9. — S. 169—173; Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. — Oxford-Blackwell, 1958. — P. 152 ff; и многие другие. В каждой из этих работ, кроме того, содержится обширная библиография по различным аспектам социально-политической борьбы в рамках периода.

³⁰ Абсолютизация какого-либо критерия может приводить к недоразумениям и даже курьезам при определении политической позиции тех или других политиков, даже целых родов. Так, например, известна данная Белохом оценка Фемистокла как вождя аристократов (см. анализ возможных причин у Розенберга; Rosenberg A. Die Partiestellung des Themistokles // Hermes. — 1918. — Bd. 52. — S. 308—316). Показательна также дискуссия вокруг определения места Алкмеонидов в политической борьбе в Афинах на рубеже VI—V вв. до н. э. (на русском языке см. глубокий анализ у Строецкого; Строецкий. Клисфен... — С. 99—105; Karavites. Op. cit. — P. 129 ff; ср. к нему: Williams G. M. F. The Image of the Alkmeonidai between 490 B. C. and 487/6 B. C. // Historia. — 1980. — Bd. 29. — S. 106—110).

³¹ Показательны в этом отношении установки Груэна: Gruen. Op. cit. — P. 91 ff; см. также литературу в прим. 21.

³² Об аутентичности олигархических тенденций в развитии полиса см.: Фролов. Рождение... — С. 98—99; Карпюк. Указ. соч. — С. 34; Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. — М., 1983. — Т. Д. — С. 168—172.

³³ Т. е. олигархии в собственном, узком смысле, как ее понимал еще Аристотель. Ср., например, короткое, но емкое его замечание о сути оли-

гархии в рассуждении о карфагенском государственном устройстве: «Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот такого убеждения, разделяемого большинством: они считают, что должностные лица должны избираться не только по признаку благородного происхождения, но и по признаку богатства, потому что необеспеченному человеку невозможно управлять хорошо и иметь для этого достаточно досуга. «... Избрание должностных лиц по признаку богатства свойственно олигархии...» Arist. Pol. — II. — VIII. — 1273 a: — 21 ff; ср. там же: III. — V. — 1279 v. — 16 сл.: олигархия—власть небольшого количества людей. Ср. к этому: Яйленко. Указ. соч. — С. 168 сл.

³⁴ См.: Зельин. Указ. соч. — С. 156; его же: Принципы морфологической классификации форм зависимости // ВДИ. — 1967. — № 2. — С. 14—15, ср. также в связи с этим анализ развивающегося понятия «демос» от времен Солона и до Пелопонесской войны у Розенберга; Rosenberg. Op. cit. — S. 309—310; vgl.: Willamovitz-Mollendorff U. Staat und Geseeschaft der Griechen und Romer. — Berlin und Leipzig, 1910. — S. 70.

³⁵ О сущности тирании см. в особенности работы Фролова.

³⁶ Это, кажется, понимает уже Гомм, который, критически относясь к определению партийно-политической ситуации в Афинах, тем не менее принимает разделение на «олигархов» и «демократов», рассматриваемых политических деятелей: см.: Бергер. Рец. на книгу Хигнета... — С. 79.

УДК 938

В. А. Коршунков (Кировский пединститут)

РЕЛИГИОЗНЫЕ, СУДЕБНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ АФИНСКОГО АРЕОПАГА

Афинский Совет Ареопага в классическую эпоху обладал некоторыми религиозными полномочиями. К ним прежде всего относилось попечение над священными оливами (Arist. Ath. pol. 60. 2; Lys. VII). Хорошо известны и судебные компетенции этого Совета. Они с течением времени сокращались, переходя к демократически организованному народному суду — гелиэе, но в ведении ареопагитов всегда находился суд над уголовными преступниками: за предумышленное убийство, покушение на убийство, отравление, поджог. С давних пор Ареопаг обладал и политическими правами, надзирая за течением государственных дел и охраняя законы (episkopos panton — Plut. Sol. 19; phylax ton nomon; nomophylakia — Arist. Ath. pol. 2.6; 4.4; 8.4). Политические права были отняты у ареопагитов в 462 г. до н. э. в результате реформы Эфиальта. Однако, потеряв реальную власть, этот Совет продолжал пользоваться огромным авторитетом, а в конце V в. до н. э. и в 340—320 гг. до н. э. даже на некоторое время восстанавливал свое политическое влияние в государстве.

Усилия исследователей направлены прежде всего на изучение политических полномочий Ареопага. Ученые стремятся точно определить, что именно входило в не вполне ясное понятие «охраны законов» (nomophylakia), каково было конкретное содержание реформы Эфиальта, спорят о значении этой

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. — Л. 1986 — С. 21.
 2 Там же. — С. 22.
 3 Там же. — С. 23.
 4 Доннерт Э. Источники раннего средневековья и программа Титмара Мерзебургского // СВ. — 1965. — Вып. 27. — С. 26—39.
 5 Там же. — С. 31.
 6 Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon. — Berlin. — Sa VII 36
 7 Ibid. VII. 36.
 8 Ibid. VII. 37.
 9 Ibid. VII. 38; 39.
 10 Ibid. VII 39.
 11 Ibid.
 12 Ibid. VII. 40.
 13 Ibid.
 14 Ibid. VII. 42.
 15 Ibid. VII. 43.
 16 Ibid.
 17 Ibid.
 18 Лебедев Г. С. Указ. соч. — С. 21.
 19 Thietmari Merseburgensis. Op. cit. VII. 41.

СОДЕРЖАНИЕ

Старкова Н. Ю. Влияние I Мессенской войны на внутриполитическое развитие Спарты	3
Лаптева М. Ю. Тирания в архаических Эрифрах	11
Строгецкий В. М. Битва при Фермопилах. Легенда и история	16
Ставилюк В. В. Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н. э.	26
Коршунков В. А. Религиозные, судебные и политические полномочия афинского Ареопага	37
Самохина Г. С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.)	42
Межеричкий Я. Ю. Клавдий: историк и император	56
Шапошников В. Н. Мироощущение человека вдали от родины (опыт этнолингвистического анализа литературы)	71
Кочеров С. Н. Стоическая оппозиция в Римском сенате (опыт морального сопротивления тирании)	78
Кобрин К. Р. О. М. Эдварде о римском господстве в Уэльсе	93
Кузнецов Е. В. О Геллеспонте Северном, геллеспонтиках и их соседях. Опыт историко-этнического исследования	96
Бородин О. Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху византийского господства	113
Дворецкая И. А. Из Паннонии в Италию (христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI—VIII вв.)	128
Меженин В. М. Хроника Титмара Мерзебургского как источник по истории раннесредневековой Англии	143

АНТИЧНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор В. М. Строгецкий
 Редактор Л. В. Лахтурова
 Корректор И. И. Шерстнева

Сводный темплан Минобразования РСФСР, поз. 48.

Сдано в набор 14.10.91. Подписано в печать 20.12.91. Формат 60X90^{1/16}.
 Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,03.
 Усл. кр.-отт. 10,56. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000. Заказ 4595. Цена свободная

Нижегородский государственный педагогический институт им. М. Горького,
 603600, Н. Новгород, ГСП-373, ул. Ульянова, 1.

Дзержинская типография Нижегородского областного управления
 издательств, полиграфии и книжной торговли. 606025, г. Дзержинск,
 пр. Циолковского, 15.